

Бабочка (этюд)

Сию, смотрю в окно. Уже час я— созерцатель хо- рошего настроения природы. Под третью кружку чая мысли текут неспешно. В приоткрытое окно осторожно и смущённо просовывает свою руку ветер и без усталы всё дёргает край скатёрки. Чаем наслаждаюсь уже долго, но только многое время спустя осознаю, что внимание моё не отпускает бабочка, попавшая в паутину за окном,— неболь- шая, но замечательно красивая. «Красота спасёт мир!»— говорили и будут говорить. Но кто, ска- жите, спасёт красоту— это хрупкое проявление высшей гармонии? Опутанная сетями, бабочка продолжает неравный бой за жизнь, не обращая внимания на заинтересованный взгляд восхищён- ного созерцателя. Она обречена— это очевидно.

Мне хочется что-нибудь для неё сделать. Не- сколько запоздало прихожу к ней на помощь: открываю окно и разрываю сеть паутины. Теперь этот прекрасный комочек жизни бьётся в моих руках, оклеенный липкими нитями, и приходится потрудиться, чтобы освободить крылья этого ма- ленького чуда от вязких пут. Бабочка продолжает трепыхаться, тем затрудняя мою работу. Однако вскоре всё сделано, и она свободна.

Но что это?! Бывшая пленница не спешит уле- тать! Она сидит на моей ладони, и лишь ветер колеблет её крылья, как этот край скатёрки. Бла- годарность? Может быть! Конечно, не прояв- ленная разумом или сознанием, но, возможно, эмпатией высшей гармонии, которая благодарна за спасение любой сущности. Наконец прекрасная гостья тихонько взлетает с моей ладони и улетает прочь. Я же долго смотрю ей вслед. Мой разум,

испытавший восторг, однако, не свободен от раз- ных противоречивых мыслей. Вот я перевожу взгляд на полуразрушенную паутину— тоже, ме- жду прочим, плод чьего-то созидания— и вижу пару- тройку мумифицированных мух. Они мерт- вы, и помочь им невозможно. Но будь они живы, сподвигся бы я вызволять их из плена? Навряд ли!.. Скорее позлорадствовал бы: мухи— отвратитель- ные и надоедливые существа, их никто не любит. Даже те, кто согласен с определённым значением этих неприятных существ в общей космогонии. Хотя виноват: люди просвещённые, достигшие иных высот в духовном отношении, свободны от условных категорий прекрасного и безобразного. Для них любая форма жизни имеет абсолютное право на существование, и сам факт, что понятий полезности, вреда, красоты или уродства для выс- шей гармонии не существует, для них созвучен. Моё обывательское сознание «попроще»: я из того большинства, кто «привязан» к прекрасному и тяготится неприятным. И это было бы полбеды, но схожее отношение я нередко проецирую и на людей— вот в чём загвоздка. Думаю, это вообще характерно для многих. Как часто хочется по- мочь людям симпатичным! Те же, кто вызывает неприятие, автоматически попадают в список «не заслуживающих» благосклонности. Хорошо то или плохо— каждый решит самостоятельно. Но совер- шенно очевидно: пока делишь людей на приятных и не очень, хороших и плохих, добрых и злых— ни о каком духовном прорыве не может быть и речи. Как же быть? Возможно, начинать с малого. И это в равной степени касается как бабочек, так и мух.